

ВЛАДИМИР БОЛОТИН

ДЕСЯТЬ
ШАГОВ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Издательские решения

Владимир Болотин
Десять шагов (сборник)

«Издательские решения»

2012

Болотин В.

Десять шагов (сборник) / В. Болотин — «Издательские решения»,
2012

Авторский сборник. Повесть «Десять шагов» – это история о мужчине, который переживает кризис среднего возраста. На фоне обыденности происходят различные экзистенциальные изменения. Неоднозначные чувства и «каша» в голове перемешиваются с воспоминаниями о погибшем младшем брате... Также в сборник включены рассказы разных лет.

© Болотин В., 2012

© Издательские решения, 2012

Содержание

Десять шагов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Болотин

Десять шагов

Десять шагов

*«ты – Человек без имени
мне страшно с тобою рядом»*

И. Кормильцев, Nautilus Pompilius, 1989

Это страшное воспоминание врезалось в память. Вот уже без малого двадцать лет он жил с ним, и никак не мог забыть. Да и как такое забудешь?

Вот она комната, не больше десяти шагов от двери до окна. Он стоит в проеме, а там на подоконнике сидит его десятилетний брат. Брат – самый близкий, даже мать, которую он любил больше жизни, не была таким близким человеком. Разница в возрасте у них шесть лет, но как-то так сложилось, что они стали самыми лучшими друзьями, с общими интересами и общими играми. Школа, двор и окрестные улицы – все знали братьев Костиных. Старший всегда заступался за младшего, но и младший никогда не отступал стычках и дрался не хуже старшего. Они вместе пережили развод родителей, когда отец объявил, что уходит в другую семью. Вдвоем поддерживали мать, которая старалась не показывать им своих слез. Отца они не стали ненавидеть, как-то поняли его, когда он им объяснил, что дальше он бы просто не смог жить с их матерью, а они тут не при чем. Они встречались с ним по выходным, гуляли в парках и катались на аттракционах, ходили в музеи и в цирк. Отец был хорошим человеком. И мать была хорошей женщиной, вскоре она повстречала мужчину. Он не заменил им отца, но и врагом не сделался. Они жили все вместе более-менее счастливо.

В этот майский день было солнечно. В окно лился дневной свет, и он видел только темный силуэт брата. Тот читал книгу, мешая сквозняку шуршать страницами. Как же так получилось, что Мишка вдруг потерял равновесие и начал валиться в сторону улицы. Спустя столько лет это виделось словно кино, которое замедлили в несколько раз. Он бросился к брату, что-то крича, но двигался слишком медленно, слишком. А ведь когда они баловались и играли, то комнату можно было преодолеть в два прыжка. У окна он оказался в тот момент, когда Мишкина нога соскальзывала с отлива. Сделать уже ничего нельзя было, брат летел вниз с седьмого этажа. Что случилось на самом деле никто так и не понял. Просто брата не стало, а он не смог ему помочь. Всего каких-то десять шагов. С тех пор приходилось жить с этим.

Дорога с работы до дома занимала от часа до двух, все зависело от ситуации на дорогах. Жизнь за городом – палка о двух концах. С одной стороны нет городской суеты вокруг, воздух чище и ощущение природы. Именно, что только ощущение – редкий лесок вокруг коттеджного поселка, скрывающее шумное шоссе. А с другой стороны – вопросы инфраструктуры; постоянные пробки на работу и обратно. Чем-то все же приходится жертвовать и идти не компромисс с самим собой.

Дома его никто не ждал, да и дом-то съемный. Друзья удивлялись, почему он не купит себе дом или квартиру, ведь вполне мог себе позволить. А так он как будто бы тратит деньги впустую, отдавая за чужой дом. Ну и что, деньги-то его, у друзей он никогда не просил, да и сам им не давал. Друзья все-таки.

Шоссе в две полосы, асфальт разбит. Вот она – дорога домой. Фары разрезали зимний вечер, снежинки вились в желтом свете. Впереди монотонно маячили красные задние фонари впереди идущих автомобилей, навстречу изредка вспыхивали фары зачем-то спешащих в город машин. Радио пело песни и рассказывало новости.

Каждый день, возвращаясь домой после восьми часов в офисе среди людей, он оказывался в одиночестве. Он давно понял, что одиночество для него более приятно, нежели шумные компании, нет, он любил своих друзей, не отказывал в помощи (кроме финансовой), поздравлял их с праздниками и дарил подарки, но все-таки предпочитал проводить вечера в пустом доме. Может быть, это все оттого, что он давно потерял того, единственного человека, с которым хотел бы видеться чаще.

Время от времени на дорогах случаются аварии, и это шоссе не являлось исключением. Статистика – вещь упрямая, машины разбиваются и люди страдают. Думать об этом ему не хотелось, но каждый раз что-то щемило в груди, когда впереди начинали мигать аварийные огни, фары выхватывали знаки аварийной остановки и осколки стекла на асфальте, помятые бока автомобилей...

Впереди из-за очередного холма вылезли фары, которые метнулись влево... Стоп-сигналы машины, что ехала перед ним вспыхнули и замерли. Движение остановилось. Авария. Там авария, мелькнуло у него в голове. Черт. Он медленно съехал на снежную обочину, заглушил мотор и быстрым шагом пошел туда.

– Что случилось? – спросил Костин, пройдя несколько шагов. – Все целы?

Уже собралась небольшая толпа. В кювете на крыше лежала машина. Кто-то крутился возле. Некоторые пытались куда-то дозвониться. Костин тоже достал телефон и спросил у ближайшего стоящего мужчины: «Вызвали?» Тот только покачал головой. Костин набрал экстренный номер и автоответчик предложил соединиться со службой спасения, но вызов не прошел. Тогда он убрал телефон обратно в карман, и начал спускаться по сугробу к машине. Тут двое мужчин пытались помочь тем, кто был в перевернутой машине.

– Что такое?

– Там женщина за рулем, кажется, без сознания, – ответил один. – И на заднем сиденье ребенок...

– А чего вы ждете? Надо их достать! – вдруг выкрикнул Костин, протягивая руку к двери,

– В тот-то и дело: двери заблокированы – с той стороны еще и деревья мешают...

– Стекло разбить надо.

И Костин подошел к машине и, приложив ладони к холодному стеклу, заглянул внутрь. Женщина была в неестественной позе, Костину даже подумалось, что ей очень неудобно так. Он стукнул локтем в стекло, несильно, только примериваясь для удара. А потом размахнулся и ударил со всей мочи. И почувствовал в локте сильную боль – а на экране это выглядит просто и красиво. Стекло рассыпалось. Теперь можно было влезть внутрь или открыть дверь.

– Скоро приедет скорая! – крикнули откуда-то сверху, кто-то на дороге дозвонился. Но сколько еще будет ехать эта карета скорой помощи. Нужно было действовать, а Костина словно парализовало – он стоял и не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Он молча смотрел внутрь перевернутой машины, и видел перед собой только свою комнату и брата на подоконнике... Костин закрыл глаза, но вместо темноты перед ним плыло раскрытое окно, до которого всего десять шагов.

– Ну ты чего застыл? – услышал он, и ему показалось, что это голос Мишки. Но брат сидел на окне и читал книгу, он молчал. Откуда голос? Костин открыл глаза и увидел перед собой неясные очертания темного нутра автомобиля и силуэт женщины, уперевшийся в лобовое стекло. «И на заднем сиденье ребенок...»

Тряхнув головой, Костин постарался отогнать от себя тяжелые воспоминания и хоть как-то мобилизоваться. Он сделал шаг вперед, просунул правую руку внутрь и стал шарить по обшивке двери в поисках ручки. Через несколько секунд дверь открылась.

Снежинки плавно опускались, ловя отблески красно-синих вспышек. Завыли сирены машины скорой помощи. Костин как раз добрался до женщины и уже хотел освободить ее от ремня безопасности, когда сзади послышалось тяжелое дыхание и голос сказал:

– Ну-ка, посторонитесь... Дайте-ка посмотреть...

Костин был вынужден пятиться, чтобы вылезти на улицу. Он посмотрел на врача в синей униформе, рядом с ним стоял еще один, с чемоданчиком в руках. Пытаясь разглядеть в полутьме лица работников, Костин отступил в сторону и полез в карман за сигаретами. Коллеги Гиппократы заглянули в машину.

Руки тряслись, и Костин только сейчас почувствовал холод. Он укутался в свое полупальто, прикурил и стал взбираться по снежному склону обратно на дорогу. Остановившись возле своей машины, он докуривал сигарету, глядя на снег.

Костин наматывал круги по заснеженным дорогам поселка. Фонари окрашивали утренний сумрак в желтоватый мягкий цвет. Морозный воздух обжигал горло при каждом вдохе, от частого дыхания на воротнике образовалась ледяная корка.

В наушниках звучала музыка, знакомая еще с детских лет. Наутилус Помпилиус нравился им с братом одинаково сильно, они выделяли его среди всего многообразия того советского рока, что родился в первой половине 80–х. Эта была музыка, пытавшаяся быть похожей на западный мейнстрим, однако с опозданием на десяток лет. И уж точно, это было лучшее, по их мнению, что появилось на Урале.

Много лет назад Костин не задумывался о песнях, о мелодиях, он их просто слушал, потому что нравились. Никакой философии, никакого подтекста, ничего протестного – все это пришло с взрослением. Новые смыслы, новое понимание.

Ему приходилось выслушивать сверстников, которые в школе твердили о том, что, мол, это музыка для девочек. Он спокойно воспринимал подобные заявления, в отличие от брата. А после его смерти, он и вовсе перестал обращать внимание на такие высказывания.

Костин слушал песни, собирал пластинки, переписывал на кассеты взятые у знакомых бутлеги и концерты. Уже позднее он собрал все записи на магнитокассетах, а потом и на компакт-дисках. Ему все не удавалось попасть на концерт Наутилуса, а когда группа объявила о «последнем плавании», о прощальном туре умудрился-таки выкроить время и купил билеты в концертный зал «Россия». Тогда он жалел, что Мишка не увидит любимую группу живьем. А на концерт он сходил со школьной подругой.

Сегодня уже нет ни группы Наутилус Помпилиус, разрушена гостиница «Россия» вместе с тем самым концертным залом. А школьная подруга давно обзавелась семьей и счастливо живет где-то в пригороде Москвы. Время от времени переслушивая альбомы НП, Костин обратил внимание, что многие песни кочуют с пластинки на пластинку. Менялись немного аранжировки, но в целом это была та же самая песня, все с теми же куплетами и припевами. И зачастую именно эти песни и были «боевиками», теми самыми хитами, за которые многие поклонники и любили группу. Среди таких песен, например, «Князь тишины», встречающаяся по меньшей мере на трех номерных альбомах – Невидимка (1985), Князь тишины (1988), Наугад (1990). При этом, текст в основе этой песни – перевод стихов венгерского поэта Эндре Ади (перевод Леонида Мартынова). Или «Скованные одной цепью», которая впервые звучит на пластинке Разлука (1986), а затем – на пластинке Князь тишины. С другой стороны, «Я хочу быть с тобой» вошла только в альбом Князь тишины, хотя является визитной карточкой групп, при этом исполнялась на концертах с 1987 года.

Кроме упомянутой «ЯХБТ» у группы есть еще песни, которые не встречаются на студийных пластинках, а звучали лишь на концертах. Концерты были записаны в 80–х, но выпущены уже в 90–х. А на бутлегах звучали «Синоптики», «Песня в защиту мужчин» (эта песня вообще единожды прозвенев на концерте 1987—88 годах, вышла на двойном концертнике Никомуникабельность), «Мальчик-зима», «Мой брат Каин» или «Чужой». Позже уже в переизданном собрании сочинений НП их можно заметить на пластинках «Подъем» (1987), «Отбой» и «Раскол» (оба 1988 год). В конце 1988 года, кстати, Слава Бутусов впервые распустил коллектив. Но Костин узнает об этом намного позже, когда прочтет книгу Кушнира и Порохни «Введение

в Наутилосоведение». Случая и слушая альбом за альбомом, Костин выделил для себя три пластинки, которые вышли на рубеже 80—90-х годов, они казались ему самыми лучшими.

Это «Человек без имени» (1989) – саундтрек к невышедшему фильму, «Наугад» (1990), куда вошли песни ранее исполняемые на концертах, и «Чужая Земля» (1991), самая загадочная пластинка группы.

Когда в 1989 году Бутусов и Умецкий во второй раз распускали группу, записи «Человека без имени» Дмитрий забрал со собой. Фильм не получился, альбом не вышел (запись опубликовали только в 1995 году). «Наугад» был наполовину составлен из концертных и перепетых старых песен, а наполовину – из нового материала (готового материала для пластинки «Родившийся в эту ночь»). Часть новых песен здесь была как раз с того самого саундтрека к фильму.

«Чужая Земля» была оригинальной пластинкой – все песни совершенно новые, оформление альбома было концептуальным – ни авторов песен и музыки, нет состава группы, а иллюстрации к песням выглядели как чернильные пятна для теста Роршиха. С этого альбома только две песни стали популярными в народе – «На берегу безымянной реки» и «Прогулки по воде». Но помимо этих двух романтических историй, в альбоме присутствуют и другие потенциальные хиты: «Летучая мышь», «Эти реки», «Чужая земля» и «Монгольская степь». Да и другие песни не лишены смысла.

А дальше были «Титаник» (1993), «Крылья» (1995) и «Яблокитай» (1996). На этом история группы Nautilus Pompilius завершилась большим гастрольным туром и официальными похоронами в Англии.

Группы не стало, Бутусов стал экспериментировать. Он записал сольный альбом, выпустил два концептуальных диска совместно с экс-участниками группы Кино, а потом с ними же создал коллектив под названием Юпитер. Новое творчество Костину не пришлось по душе, и следить за творчеством Бутусова он перестал.

Илья Кормильцев – автор большинства текстов для НП, начиная с 1985 года. Наверное, если бы не этот тандем Бутусов-Кормильцев, то группа никогда не добилась бы такой бешеной популярности. И это видно – новые песни Бутусова нашли своих поклонников, но они не так изящны как стихи Кормильцева.

Кормильцев то же занялся другими проектами, не только музыкальными. Помимо прочего он был неплохим переводчиком и обладал хорошим литературным вкусом и нюхом. Благодаря ему читатели смогли познакомиться с современной западной литературой – серия Альтернатива желтого цвета бросалась в глаза в книжных магазинах. Именно Кормильцев перевел на русский «Бойцовский клуб» Паланика. К несчастью, болезнь не позволила Кормильцеву сделать еще многое...

Костин бежал, ритмично выдыхая, и не в первый раз обдумывая все эти соображения о музыке, творчестве и собственных воспоминаниях. Музыка в наушниках закончилась как раз в тот момент, когда он подбегал к дому.

Суббота обещала хорошую погоду, самое то для шашлыков. Было около одиннадцати, когда к воротам подъехала первая машина. Костин как раз готовил мангал во дворе, когда услышал клаксон.

– Открывай, хозяин! – донесся из-за калитки веселый голос Огородникова.

С Игорем они были знакомы еще со школы. Огородниковы переехали в Москву откуда-то с севера, и Игорь пришел в новую школу – аккуратно перед выпускным классом. Костину сразу понравился этот паренек, простой, без каких-то понтов, спокойный и рассудительный. В нужную минуту мог и плечо подставить и шутку поддержать. Не раз Огородников был рядом, когда назревали конфликты, некоторых даже удалось избежать из-за умения разрядить обстановку, ну а в других приходилось отбиваться. Получали вместе, но и вместе навешивали.

Костин с Огородниковым вместе ходили в школьную качалку. Что такое школьная качалка на рубеже 80-х и 90-х представить не сложно – пара штанг да три гантели, а на стенах

плохонькие фотокопии портретов Арнольда Шварценнегера, снятые с плохоньких фотокопий. С нынешними фитнес-залами с их ультра современными тренажерами ничего общего, хотя может и сегодня можно встретить подвалы с фотографиями Железного Арни на стенах, где мальчишки также толкают от груди ржавый гриф с двумя блинами.

Где-то они раздобыли книжку о строительстве тела и стали заниматься бодибилдингом. Висели на турнике, отжимались и тягали железо в зале. Огородникова природа одарила хорошими данными и он быстренько пошел вширь: раздался в плечах, накачал бицепсы. А конституция Костина не давала ему быстро наращивать мышечную массу, он оставался просто рельефным, красавцем из Древней Греции.

Все эти занятия не прошли даром. Костин так и остался рельефным, правда, местами рельефы скрылись под жирком из-за недостатка физических нагрузок. Какое-то время Костин просто ждал, раздумывая, что пора бы привести себя в порядок. И в один прекрасный момент, вспомнив слова Ричарда Брэнсона, известного бизнесмена-романтика с английских берегов, сказал себе: «Берись и делай!», после надел кроссовки и побегал. С чего-то нужно было начать?!

А вот с Огородниковым щедрая природа пошутила. Наградив его прекрасными данными, которые он быстренько развил, она не оставила его. Забросив занятия спортом, огородников к своим широким плечам и мощным «банкам» получил вскоре и довольно внушительный живот. Нет, не в один день живот вырос, но теперь ничего с ним уже не сделать. Его упругие грудные мышцы тоже обвисли и немногим уступали в размере супружниным.

После школы Костин с Огородниковым даже собирались в один вуз, но в последний момент Игорь подал документы один. А Костин на два года уехал в казахские степи, где удачно окопался в штабе писарем (потом он с улыбкой смотрел фильм Алексея Балабанова «Брат», где герой в исполнении Сергея Бодрова произносит одну из ставших крылатыми фраз: «В штабе писарем отсиделся»).

Огородников отучился в институте и удачно устроился работать. Вот уже который год он торгует автозапчастями. Он при этом сделал неплохую карьеру, дослужившись до поста финансового директора...

– Сейчас, сейчас, – с улыбкой сказал Костин, подходя к калитке.

Огородниковы приехали большей частью своей семьи, без Маши. Костин спросил, как дочь, впуская гостей. Девочку отвезли к бабушке, там у ее подружки день рождения и Маша очень хотела к ней попасть.

Наташа Огородникова то же училась с ними в школе, на два класса младше. Любовь у них с Игорем случилась в «последнее лето детства». Их класс выступал с номером на выпускном у Костина и Огородникова, там все и познакомились. Только у Костина с Леной ничего путного не вышло, а вот Огородниковы вместе до сих пор.

– Мы первые? – спросила Наташа.

– Как обычно, – сказал Костин. – Проходите в дом, располагайтесь... Ну не первый раз, да?

Сам же он пошел к мангалу. Еще должны были подъехать семейства Болотиных, Богдановых и Новодворских. Обещали с неуверенностью две закадычные подружки и еще одна пара.

Болотины – это давние друзья, познакомились они после армии, когда Костин решил поступать в институт. Володька был молчаливым остряком, резким и говорившим правду в глаза. Собственно за это его многие и не любили. Он часто бывал не в духе, хотя «не в духе» было скорее его нормальным состоянием покоя. Он мог шутить, и никто бы не догадался об этом по его мимике или голосу. Своеобразное чувство юмора тоже не играло ему на пользу при заведении друзей.

В тот вуз, в приемной комиссии которого впервые встретились, они так и не поступили. Володя пошел в педагогический (он потом никогда не мог вразумительно объяснить, почему

и зачем), кое-как окончил и подал заявление в Литературный институт. Писал он, кстати, говоря неплохо, Костин одобрял. Однако с Литинститутом у Болотина как-то не сложилось – натура творческая не вынесла поучений; институт он бросил, едва не получив диплом. И после с творчеством завязал (а моет просто говорил так, в тайне сочиняя свой самый важный роман).

В какой-то период жизни Болотин повстречал Катю, свою будущую жену. Они учились на одном факультете в педвузе, пару раз сходились, потом разбегались. Парой они были хорошей, но блядская Володина натура не давала ему покоя. И как-то они потерялись в водовороте жизни, и встретились через несколько лет снова. За годы разлуки Катя успела побывать замужем и устроиться генеральным директором в одну небольшую конторку с весьма немаленькими оборотами. А Болотин за это время попытался пару раз остепениться, не переставая «покрывать доступных и недоступных» особей женского пола (это дурацкое выражение он вычитал в каком-то романе и оно ему так понравилось, что уже всем поднадоело).

Их новая встреча обернулась семейной жизнью. Брак был неравным в разных плоскостях. Во-первых, жена занимала солидную должность, а Болотин мог работать и хорошо получать, а мог месяцами сидеть дома, практически его не покидая. Во-вторых, Катя была импульсивна и принимала решения, порой, не задумываясь о последствиях, Володя же был инертным, долго мог запрягать, но ехал довольно быстро. В-третьих, Болотин хоть и делал позу, был все-таки подкаблучником, но обоих, наверное, это устраивало, по разным причинам. Ну и, в-четвёртых, творческий энтузиазм в Болотине сжигал его изнутри (часто с ревностью вместе), а Кате была его писанина не по душе – классику она предпочитала постмодернизму и литературным экспериментам.

Как им удавалось уживаться вместе – загадка для Костина. Однако кое-что их все же объединяло – это их дочь. Оба были без ума от своей Варвары.

С Богдановыми Костин познакомился именно через Болотиных. Катя со школы дружила с Лерой. Ну а после свадеб все дружили семьями. Кто-то даже сватал Варвару за старшего сына Богдановых, но до помолвки было еще далеко.

Игорь занимал один из ключевых постов в крупной московской логистической компании. А Лера была логопедом, даже не так – логопедом от бога, и между прочим во втором поколении. Лауреат нескольких конкурсов, обладатель различных наград, медалей и грамот не стала зазнайкой, а продолжала помогать детям.

Костину нравилась и Лера, и ее муж. Они были хорошими, приятными в общении людьми. Наверное, Костину нравился Игорь из-за его военного образования. Кстати, из всей большой компании, что должна собраться, только они вдвоем имели военную подготовку (Хотя пострелять по тарелочкам выбирались все).

А вот Лера ему нравилась как женщина, но Костин даже не думал ничего такого. Он вообще предпочитал не связываться с женщинами из ближайшего окружения, это чревато последствиями – и это Костину было хорошо известно.

И третья пара – Новодворские. Ира была младшей сестрой Болотина, в нее Костин был давно и безответно влюблен. Ему за все эти годы так и не удалось побороться свою робость. Чего он боялся, он понять не мог: то ли Болотина, ведь это его сестра, то ли быть высмеянным самой Ирой. В общем, он заставил себя не думать о ней, какое-то время мучился, потом злился, ревновал (конечно, она же встретила Арсения), потом успокоился и теперь мог преспокойно обо всем этом рассказывать. Без робости или страха, и ей и ее брату.

Арсений был высоким, красивым и умным мужчиной (бог мой, они все так давно знакомы, что стали уже мужчинами и женщинами). Он занимался разработкой программного обеспечения. Начинать работать на дядю, а теперь у него успешный собственный бизнес. Единственным минусом в нем была его вредная привычка – отсутствие вредных привычек. Он не курил, не злоупотреблял спиртным, о наркотиках, казалось, и не слышал. Положительный.

А вот жена его могла иногда пропустить лишний стаканчик. На утро могла болеть и с удовольствием принимать заботливые ухаживания супруга. Других хворей за ней не замечалось.

Остальные гости все никак не могли найти свое счастье. Марина Бугрова напоминала Костину ту стрекозу из басни Крылова. Лето, слава богу, можно было и зимой найти, а вот с личным, как у группы Секрет в песне «Привет». Но Марина надежду на счастье не оставляла. Все искала, искала, да только все не то.

Марина довольно одаренная натура: она и жнец, и швец, и на дуде игрец... Вообще она и пела, и танцевала, и на гитаре-пианино играла, стихи писала и много чего еще могла. Даже с Болотиным собиралась в Литературный институт, да передумала. Марина зарабатывала тем, что устраивала праздники. У нее было свое небольшое event-агентство.

Когда-то у Костина с ней случилась небольшая интрижка. По большому счету, они пару раз переспали, без каких-либо обязательств. Только секс, ну, по крайней мере Костин думал именно так. Что уж там думала Бугрова ему не было известно. И как-то по взаимному согласию они об этом не говорили. И странное дело, все об этой их тайне знали все знакомые, хотя они и держали рот на замке.

Другая подруга – Анна Пасечник, рыжая и веселая. Рыжей и конопатой она была от рождения, а чувство юмора воспиталось постепенно по мере учебы. Самодеятельность, капустники и КВН – Пасечник была всюду, и ее можно было бы назвать «душой» компании.

С Костиным Пасечник, как и Бугрова, познакомились через Болотина, с которым учились вместе в педвузе. Аня как-то быстро завоевала доверие Костина и стала его закадычной подружкой. Никаких отношений у них, кроме чисто дружеских, не было. И даже никогда никаких намеков не было. Они могли выпить вместе, могли запросто сходить на стадион, отправиться на отдых или сделать еще что-то вместе.

Пасечник встречалась то с одним, то с другим, уделяла им все свое время на протяжении нескольких лет, ловила на свадьбах букеты и ждала предложения. Но никто ее никак замуж не звал. Она огорчалась и старела. Впрочем, от старости никто из нас не застрахован. Как и от одиночества.

Пока Костин ковырялся с мангалом, углем и прочими прибабасами на заднем дворе, к дому подкатила еще одна машина. Костин крикнул Огородникову, чтобы тот открыл гостям.

– Где барин?

Костин обернулся на голос. На встречу с улыбкой шел Болотин и протягивал руку. Они пожали друг другу руки и обнялись по старой доброй традиции. Следом подошла Катерина.

– Привет, – сказал Костин и поцеловал ее в щеку.

– Ну как идут дела?

– Да вот пытаюсь найти спички.

– На, держи зажигалку, – полез в карман Болотин.

– Ты что, опять начал курить? – спросила Катерина.

– А я не бросал, – ехидно ответил ей муж.

Костин взял зажигалку, плеснул на угли жидкости для розжига. Немного подождя, он поджег уголь.

Тут из дома появился Огородников. В руках у него была бутылка Jack Daniel's и три стакана. Он посмотрел на Катерину и сообщил, что Наташа ждет ее на кухне. Конечно не одна, а с бутылочкой сухого красного.

– Вы тут особо не усердствуйте, мальчики, а то еще не все гости приехали... И еще шашлыки жарить.

– Иди, женщина, на кухню, – махнул на нее Володя.

Огородников раздал стаканы и плеснул в них виски. Поставил бутылку прямо в снег рядом с дорожкой, а на закуску предложил шоколадку, которую ловким движением фокусника извлек из кармана.

– Вуаля!

– Давайте, за встречу. Молодцы, что приехали.

Они звякнули стаканами и выпили.

– Ты так говоришь, словно у тебя что-то такое стряслось... – жуя шоколадку произнес Болотин. – Нет, не говори...

– Нет, – мотнул головой хозяин. – Все в порядке с родителями...

– Я и не думал, что с твоими стариками что-то случилось! И вообще, что за манера вечно переживать?!

– Ну-ну, не заводись, Василич! – засмеялся Огородников. – Просто ты всегда издалека начинаешь, смакуешь подробности...

– Ну и что? Да, я люблю детали, потому что детали делают историю более объемной, цельной. Это как роман писать, со всякими завитушками, остранениями и... и... – по улыбкам на лицах товарищей он все понял. – Да ну вас! Ни хера вы не понимаете в литературе, а объяснять вам – об стену горох! Только и можете свои железяки обсуждать, да гаджетами мериться... Никакой в вас духовности и романтика не осталось! Вы вырождаетесь!

– Ну началось...

– Игорек, наливай, а то видишь, чего с человеком шоколад творит.

– Обидеть поэта может каждый! – и Болотин подставил свой стакан для очередной порции виски.

– Как там твоя работа? – спросил Костин.

– Ну как-как? Не хуже ваших, а может и лучше. Журналисты по-прежнему пишут новости, а мы их доносим до народа. По правде сказать, паршиво некоторые пишут. Читаешь и плачешь от такой изысканной словесности.

– Так писал бы сам, ты ж талантище! – чуть не крикнул Огородников.

– Ни слова больше, иначе я обижусь по-настоящему. Я может и не доучился, а писать в свое время мог неплохо. Но сейчас моя работа заключается не в написании, а в публикации, я слежу за тем, чтобы все было красиво – тексты должны читать с удовольствием. Так что моя задача – хорошо подать, – Болотин залпом осушил стакан и даже не поморщился. – Но иногда, под вдохновение, кое-что и сам пишу.

– Что ты пишешь, это секрет Полишинеля. Об этом все знают. А вот публикуются ли твои опусы?

– Опусы, – передразнил Огородникова Владимир. – С удовольствием между прочим берут мои опусы...

Тут дверь дома открылась и Наташа спросила, скоро ли будет готов уголь, они с Катей все там приготовили, и мясо уже на решетке. Ее заверили, что все уже почти готово.

– Ну, а у вас что нового? Растут продажи? Судя по сообщениям нашего правительства, – Болотин ткнул пальцем в небо. – Кризис мы благополучно пережили и экономика находится на подъеме... В отличие от загнивающего Запада...

– Ну тебе виднее должно быть, ты на правительство фактически работаешь... А продажи, да, растут понемножку, – сказал Огородников.

– У меня тоже все идет неплохо... – в этот момент у калитки раздался звонок. – А вот, кажется, сестра твоя с мужем.

Ира была на полголовы выше брата, а в белом пуховике с капюшоном и сапожках-унтах казалась и вовсе массивнее Болотина. Арсений шел следом, нахлобучивая на ходу шапку. Он был чуть выше жены, но сейчас из-за зимней одежды все это нивелировалось и было не заметно глазу.

Все поздоровались. И разговор продолжился.

– Вот, Сеня, скажи мне, пилишь государственные бабки? Ты же получил какой-то контракт, да?

– Ну, Володя, ты скажешь тоже... Там не так уж их и много, чтобы пилить. Но по крайней мере обошлось без откатов. Пока, – сказал Арсений.

– Вот. Коррупция, и никуда от нее не денешься. Один пилит бюджет, другой налоги скрывает, а...

– А ты поди да напиши куда следует, – парировал Костин.

– Я не такой. Доносы писать не стану, и в тридцать седьмом не стал бы, скорее бы сам загремел, – обижено произнес Болотин. – Я не к тому, что вы плохие. Вы то может и хорошие, но система вас на крючок поймала. А с этой махиной трудно справиться, и не всем под силу, а некоторым и не надо ее рушить... Честных и бескорыстных после Сталина не осталось.

– Да, налей же ему! – сказал со смехом Костин.

– А ты зря смеешься, – упрекнул его Болотин. – шутки шутками, а гаечки затягиваются. Еще пару годков и наш обожаемый правитель превратится в такого Брежнева или Сталина, ну не полную копию, это будет обновленная версия. Что-то типа китайского социализма, я имею в виду то, как китайцы мере смотрели и переосмыслили социализм, не отказываясь от него. Поняли, нет? Вот и у нас вертикаль власти, а на деле тоталитаризм с человеческим лицом: вот вам свобода слова, вот вам оппозиция, вот вам правильные реформы, вот вам пенсии и так далее. Только все переосмыслено. И как бы по-честному, да с оговорками...

– Нет, так он нас окончательно вгонит в уныние... Игорь, наливай. Сеня, ты как?

– Я что-нибудь попроще.

– Ну у нас там имеется винцо под шашлычок и пиво для любителей. Вам же все равно сегодня никуда не ехать, так что можешь позволить себе...

– Да уж, зятек, нажрись, – закончил вместо Костина Володя.

Все засмеялись. Ирина пошла с Арсением в дом, Костин попросил их передать девушкам, что можно нести мясо. Уголь как раз был готов.

– Володя, вот скажи, почему ты такой не лояльный к власти, хотя сам практически на нее работаешь? Основной акционер твоей газетки – государство, я ничего не путаю?

– В общем, ты прав, в широком смысле государство. Но в нашей стране очень много таких, кто работает на государство. Вон, даже Сеня со своей конторкой, своей частной лавочкой берет контракт и выполняет его для государственных структур. Или ты сам, Игорь, ты же продаешь каким-то государственным предприятиям свои запчасти? Так или иначе мы все работаем на государство, только кто-то явно, а кто-то даже и не догадывается. Ну и отвечая теперь на твой вопрос, работать на власть и любить власть – вещи очень разные. Это практически такая же история, как с Москвой, любить ее и жить в ней – не одно и то же. Так что я запросто, как и вы все, получаете деньги от государства, но при этом, кстати, как и вы, не люблю власть. И я никогда не скрывал своего отношения к нашей правящей элите. Я их не выбирал, не голосовал, жизнь мою они лучше не делают, а только обещают...

– Ему, кажется, хватит уже, – раздался с крыльца голос его жены. Она держала в руках несколько шампуров с мясом.

– Ну как с головой? Или давно не болела? – начал причитать Болотин, забирая у нее шампуры. – И чтоб не видел тебя без куртки.

Он разложил шампуры на мангале. А к дому подъехала очередная машина. Костин пошел открывать сам. Приехали Бугрова и Пасечник. Одни, без мужчин. Костин сказал, что машину надо бы загнать, а то перед участком уже места нет. Пришлось садиться и самому за руль, чтобы немного подвинуть свой автомобиль.

– Шашлыки готовы? – спросила Пасечник.

– Почти, – ответил Костин, захлопывая дверцу.

Последними, как всегда, подтянулись Богдановы. Все мясо к тому моменту уже было готово. Все как раз рассаживались за столом, когда раздался звонок домофона.

– Ну наконец-то! – почти хором обрадовались все.

– Вы как всегда, – сказала Катя. – На все готовое приехали.

Ели-пели за столом долго. Разговаривали обо всем подряд, невпопад, шутили и смеялись, вспоминали прошлое. Кому надо выходили на улицу покурить. Пошел снег, он мягко падал и таял в мангале, который уже давно остыл.

Вечером решили сыграть в покер и раскурить кальян. Костин достал большую деревянную шкатулку с покерным набором: фишки, большой кусок зеленого сукна размером почти во весь стол, несколько колод пластиковых карт, кости с бочонком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.